

DOI: <https://doi.org/10.34883/PI.2020.11.1.001>
УДК 616.892

Шишков С.Н.¹, Вандыш-Бубко В.В.¹, Остянко Ю.И.²

¹ Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского, Москва, Россия

² Государственный комитет судебных экспертиз Республики Беларусь, Минск, Беларусь

Shyshkov S.¹, Vandysh-Bubko V.¹, Ostyanko Yu.²

¹ National Medical Research Centre of Psychiatry and Narcology named after V.P. Serbsky, Moscow, Russia

² State Forensic Examination Committee of the Republic of Belarus, Minsk, Belarus

Актуальные проблемы и текущая практика обоснования экспертного заключения в случаях некорректно сформулированного экспертного задания

Topical Problems and Current Practice of Substantiation of Expert Opinion in Cases of Incorrectly Formulated Expert Task

Резюме

Корректное формулирование экспертного задания является одним из необходимых условий эффективности производства судебно-психиатрической экспертизы, гарантией обеспечения надежности ее результатов. Вопросы, определяющие его суть, должны быть корректными в грамматическом, логическом, семантическом, юридическом и предметно-специальном аспектах. Однако, как свидетельствует повседневный опыт, перед экспертами, проводящими судебно-психиатрическое освидетельствование, ставится подчас множество вопросов, в том числе не имеющих непосредственного отношения к предмету экспертизы. С учетом отмеченной тенденции представляется актуальным обобщение практики разрешения потенциальных проблем формулирования экспертных выводов в этих случаях.

Ключевые слова: судебно-психиатрическая экспертиза, экспертная тактика при некорректно сформулированном экспертном задании.

Abstract

Correctly formulated forensic expert task is one of the necessary conditions for effective forensic-psychiatric examination, guarantee of reliability of its results. The questions that determine its essence should be correct in terms of grammar, logic, semantic, legal, and subject-specific aspects. However, as daily experience shows, experts, who carry out forensic-psychiatric assessments, often face many questions, including the ones that have no direct relevance to the subject matter of the assessment. Taking into account the above-mentioned trend, it appears to be topical to generalize the practice of resolving potential problems in formulating the expert opinions in such cases.

Keywords: forensic-psychiatric assessment, expert tactics in cases of incorrectly formulated expert task.

■ ВВЕДЕНИЕ

Теоретические основы формулирования экспертного задания, примерные образцы потенциальных экспертных вопросов приведены в руководствах, учебниках и пособиях по судебной психиатрии [1–5]. Тем не менее этот аспект экспертной деятельности остается по-прежнему актуальным, поскольку, как свидетельствует повседневный опыт, перед экспертами, проводящими судебно-психиатрическую экспертизу (СПЭ), ставится подчас множество (до нескольких десятков) вопросов, в том числе не имеющих непосредственного отношения к предмету экспертизы. Не пытаясь однозначно судить об обусловленности такой практики, можно, однако, предположить, что в значительной мере она отражает и отсутствие на этапе формулирования задания должного взаимопонимания между заинтересованными сторонами – формулирующими это задание и его исполняющими. Речь, естественно, не идет о достижении того уровня понимания, который принято обозначать как «общий диагностический язык» экспертов смежных специальностей (психиатра, психолога, сексолога, нарколога), но о необходимости определения оптимальной совокупности вопросов с учетом компетенции эксперта. Корректное формулирование экспертного задания выступает одним из необходимых условий эффективности производства СПЭ, гарантией обеспечения полноты и надежности ее результатов; вопросы, определяющие его суть, должны быть корректными в грамматическом, логическом, семантическом, юридическом и предметно-специальном аспектах. Законодательство [6, 7] предусматривает возможность участия специалиста при осуществлении процессуальных действий на доэкспертном этапе для обоснования, в частности, объема экспертного задания (совокупности рекомендуемых вопросов эксперту). Однако практика свидетельствует, что эта возможность используется недостаточно; основная деятельность специалиста сводится к оценке на постэкспертном этапе проведенного экспертного исследования, прежде всего выявления недостатков при его проведении.

Таким образом, обобщение существующей практики разрешения потенциальных проблем формулирования экспертных выводов представляется актуальным с учетом тенденции последнего времени к увеличению числа вопросов, которые ставятся перед экспертами лицами, назначающими экспертизу либо по собственной инициативе, либо по инициативе иных участников процесса.

■ ЦЕЛЬ ИССЛЕДОВАНИЯ

Обоснование оптимальной тактики формулирования выводов судебно-психиатрического экспертного заключения в случаях некорректно сформулированного экспертного задания.

■ МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

В сообщении проблема обсуждается применительно к требованиям законодательства Российской Федерации (РФ). Тем не менее существующие в этом отношении издержки могут быть экстраполированы и на судебно-психиатрическую практику других стран, понятно, с учетом

существующих непринципиальных различий в законодательстве и в положениях ведомственных нормативных документов.

Были проанализированы 110 судебно-психиатрических экспертных заключений (данные ФГБУ «НМИЦ ПН им. В.П. Сербского» МЗ РФ за период 2016–2018 гг.). В 82,7% случаев проанализированы заключения судебно-психиатрического освидетельствования в уголовном процессе, в 17,3% – в гражданском. 70,9% от числа проанализированных случаев составили заключения экспертиз однородных, 29,1% – комплексных (психолого-психиатрических; психолого-сексолого-психиатрических); в 80,9% случаев экспертизы были первичными, в 12,7% – повторными, в 6,4% – дополнительными.

Основной критерий включения в анализируемую группу (случайная выборка) был определен как невозможность ответа по существу при поставленном экспертном задании. Некоторые вопросы экспертного задания были недостаточно ясными, противоречивыми, полностью или частично пересекающимися, предполагающими несколько возможных ответов, выходящими за пределы специальных знаний экспертов, некорректными в предметно-специальном отношении и т. п. Встречались также «лишние» и «ненужные» вопросы (с точки зрения предмета назначенной судебно-психиатрической экспертизы). Попытки формулирования ответов на вопросы в предлагаемой редакции были малопродуктивными. Эти ответы, если таковые экспертам и удавалось сформулировать, не столько проясняли и уточняли предмет экспертизы и интересующие следствие и суд обстоятельства, а, напротив, усложняли его понимание, внося нечеткость и даже путаницу в установлении обстоятельств, имеющих значение для правильного разрешения уголовного либо гражданского дела. В 30,9% наиболее сложных случаев возникала необходимость участия юриста в качестве консультанта для оценки по существу предлагаемого экспертного задания.

На первом этапе исследования решалась задача определения актуальности случаев с некорректно сформулированным экспертным заданием и их своего рода типологии; на втором – был обобщен опыт формулирования в таких случаях экспертных заключений, обсуждены их оптимальные варианты. Понятно, что выборочный характер исследования ограничивает возможности исчерпывающей оценки частоты случаев с некорректно сформулированным заданием. Тем не менее наши эмпирические данные (результаты выборочного опроса практикующих экспертов) позволяют утверждать, что эта проблема имеет место в каждом четвертом-пятом случае, а в каждом десятом случае она предопределяет невозможность формулирования экспертных выводов по существу. Важно, что в каждом подобном случае проблема не исчерпывается трудностями обоснования выводов в пределах предлагаемого задания, но существуют и реальные предпосылки оспаривания экспертного заключения по формальным, тем не менее – обоснованным в правовом отношении, обстоятельствам, высокая вероятность дискредитации выводов на постэкспертном этапе.

■ РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ

Федеральное законодательство РФ о судебной экспертизе, положения ведомственных нормативных документов [6, 7] достаточно

определенно регламентируют экспертную тактику – эксперты не вправе оставить без реагирования ни один из поставленных перед ними вопросов, но обязаны либо ответить на каждый из них, либо оставить какой-то вопрос без ответа, но при этом непременно обосновать свой отказ с соответствующей ссылкой на закон. В действующем законодательстве основания для подобного отказа ограничены: поставленный вопрос выходит за пределы специальных знаний эксперта; объекты исследований и материалы дела непригодны или недостаточны для проведения исследований и дачи заключения; современный уровень развития науки не позволяет ответить на поставленный вопрос (п. 6 ч. 3 ст. 57 УПК, ч. 2 п. 1 ст. 85 ГПК, абз. 4 ст. 15 Федерального закона от 31.05.2001 № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации»).

Прежде чем рассмотреть данную проблему по существу, целесообразно сделать некоторые предварительные замечания. Закон, обязывая экспертов реагировать на каждый вопрос, не обязывает их давать ответы в том же порядке, в каком они поставлены, формулировать их по принципу «на каждый вопрос дается только один ответ». Этот порядок можно менять, группировать в соответствии с логикой экспертного доказывания, давать один однотипный ответ на несколько вопросов и т. п. Согласно «Инструкции по заполнению отраслевой учетной формы № 100/у-03 "Заключение судебно-психиатрического эксперта (комиссии экспертов)"» при наличии нескольких вопросов эксперт вправе перегруппировать свои ответы, изложив их в той последовательности, которая обеспечивает целесообразный порядок исследования. Кроме того, ему предоставлено право экспертной инициативы, т. е. право формулировать выводы относительно тех обстоятельств, которых нет в поставленных ему вопросах, при условии, что эксперт остается в пределах своей профессиональной компетенции (п. 4 ч. 3 ст. 57 УПК, п. 2 ст. 86 ГПК).

Квалификация всей совокупности сформулированных в экспертном задании вопросов является приоритетной задачей на начальном этапе экспертизы и предполагает разграничение: 1) вопросов, обусловленных предметным видом экспертизы; 2) круга вопросов гипотетического характера; 3) вопросов иной (неэкспертной) компетенции.

В судебно-психиатрической экспертизе (как и во всех других родах и видах судебных экспертиз) экспертные вопросы ставятся и решаются в зависимости от предметного вида конкретной СПЭ. Это может быть, например, экспертиза обвиняемого в связи с сомнениями в его вменяемости, экспертиза свидетеля или потерпевшего в связи с сомнениями в его способности по своему психическому состоянию давать показания, экспертиза истца на предмет его дееспособности и пр. Каждый такой самостоятельный вид экспертизы характеризуется «стандартным набором» вопросов, вытекающих из текста закона или других нормативных актов, а также из положений предметной судебно-экспертной науки (судебной психиатрии, психологии, сексологии и ряда других). Стандартный набор вопросов («основных», «обязательных») охватывает все необходимые и достаточные для данного вида СПЭ обстоятельства, которые необходимо установить экспертным путем. Отсутствие хотя бы одного «обязательного» вопроса свидетельствует о неполноте формулирования экспертного задания. Иные вопросы (не относящиеся

к разряду «обязательных» в рамках данного вида СПЭ) в принципе возможны, однако они являются исключением из общего правила, а само их наличие должно быть чем-то обусловлено – например, индивидуальными особенностями и своеобразием данного конкретного дела. В подавляющем числе случаев назначения СПЭ ее предметом выступает установление наличия/отсутствия юридически значимого (юридически релевантного) психического расстройства, которое характеризуется двумя признаками (критериями) – медицинским и юридическим. Для каждого вида судебно-психиатрической экспертизы эти критерии, как правило, специфичны, но могут иногда и частично пересекаться. Так, вопрос относительно способности по своему психическому состоянию к даче показаний может относиться как к потерпевшему, так и к свидетелю. При назначении конкретной экспертизы необходимо определить, к какому виду она относится. Этим определяется и обязательный круг «основных» экспертных вопросов, на которые в любом случае необходимо дать ответ (либо мотивированный отказ от ответа).

Вопросы «иные» следует, образно говоря, пропустить сквозь фильтр вопросов «основных»; обычно первые при их внимательном анализе оказываются составной частью вторых. Это означает, что эксперты, давшие исчерпывающие ответы на «основные вопросы», одновременно ответили и на «иные». Например, эксперты пришли к выводу об отсутствии какого-либо психического расстройства у данного испытуемого (то есть об отсутствии у него любого из возможных и известных современной психиатрии психических расстройств). Значит, эксперты ответили и на отдельно сформулированный вопрос: не страдал испытуемый в момент совершения инкриминируемого ему деяния кратковременным психическим расстройством в виде патологического аффекта. Или, к примеру, эксперты пришли к выводу, что имеющееся у обвиняемого психическое расстройство не лишало его способности «осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими» в момент совершения инкриминируемого деяния. Тогда отдельный вопрос – например, не могло ли состояние наркотического опьянения обвиняемого как-то повлиять на указанную способность, является излишним, ибо его содержание охватывается ответом на «основной вопрос». Эксперты, проводящие СПЭ конкретного вида, должны полностью «исчерпать» в своих ответах весь круг «основных вопросов». Поэтому если экспертное задание было сформулировано неполно и какие-то отдельные вопросы из числа «обязательных» в нем отсутствуют, то эксперту следует отвечать на них в порядке экспертной инициативы.

Дополнительные вопросы, задаваемые уже по окончании СПЭ после ознакомления участников процесса с экспертным заключением, также оцениваются сквозь призму всесторонности и полноты ответа на «основные вопросы». Нередко дополнительные вопросы касаются тех обстоятельств, которые в экспертном заключении уже отражены. Решение указанных вопросов в соответствии с процессуальным законодательством, как правило, достигается в процессе допроса эксперта следователем или судьей для уточнения данного им заключения. Кроме того, дополнительные вопросы могут оцениваться также с точки зрения того, появились ли новые данные, которые экспертам во время

проведения ими данной экспертизы еще не были известны, и могут ли эти новые данные повлиять на прежние экспертные выводы. Допустимы также вопросы участников процесса, выражающие сомнения в обоснованности или правильности экспертных выводов, указывающие на противоречивость экспертного заключения, содержащие контраргументы по отношению к аргументам экспертов и т. п. При отсутствии исчерпывающих, по мнению участников процесса, ответов на эти вопросы может быть реализовано их право заявления ходатайства о назначении дополнительной (повторной) экспертизы в порядке, установленном процессуальным законодательством.

Говоря о том, что предмет экспертного исследования определяет характером юридически релевантного психического расстройства, необходимо сделать важную оговорку. Предмет конкретной судебно-психиатрической экспертизы может включать в себя как одно юридически значимое психическое расстройство, так и несколько. Причем экспертиз второй группы больше, чем первой. К экспертизам первой группы можно отнести, например, СПЭ истца по делу о признании сделки недействительной. Предмет такой экспертизы составляет вопрос о наличии или отсутствии психического расстройства, исключающего сделкоспособность на конкретный момент времени. Сюда же может относиться экспертиза свидетеля, назначаемая для определения его способности по психическому состоянию к даче показаний, если не ставятся вопросы ретроспективной оценки его способностей на определенные даты, например, проведенных ранее допросов. Напротив, судебно-психиатрические экспертизы обвиняемого, составляющие большинство из всех проводимых СПЭ, всегда включают в себя экспертный поиск нескольких самостоятельных видов юридически релевантных психических расстройств – исключающих вменяемость и «ограничивающих» ее. На случай выявления хотя бы одного из них перед экспертами ставятся также вопросы, касающиеся нуждаемости испытуемого в принудительных мерах медицинского характера и конкретном виде указанных мер. Это тот минимум вопросов, которые обязательны для СПЭ всех обвиняемых. Отдельное экспертное значение могут иметь также психические расстройства, лишаящие испытуемого способности самостоятельно защищать свои права и законные интересы в уголовном процессе в любой из периодов предварительного расследования или судебного следствия.

При наличии определенных условий и обстоятельств перечень «обязательных» вопросов расширяется. Так, если обвиняемый является несовершеннолетним, перед экспертами может быть поставлен еще и вопрос о наличии или отсутствии «отставания в психическом развитии, не связанного с психическим расстройством» (ч. 3 ст. 20 УК). Если же обвиняемый достиг возраста 18 лет и совершил преступление против половой неприкосновенности несовершеннолетнего моложе 14-летнего возраста, то перед экспертами ставится вопрос о наличии или отсутствии педофилии (п. 3.1 ст. 196 УПК РФ). В белорусском законодательстве такая норма отсутствует, поэтому установление диагноза педофилии, как и любого другого психического расстройства, проводится в общем порядке при оценке вменяемости (уменьшенной вменяемости). Пункт 3.2 ст. 196 УПК РФ обязывает экспертов ответить на вопросы,

связанные с наличием у обвиняемого наркомании, но эти вопросы необходимы лишь по некоторым категориям уголовных дел, упомянутых в ст. 72.1 и 82.1 УК РФ.

Понятие «юридически релевантное психическое расстройство» вбирает в себя весь спектр признаков, по которым оно выделено и по которым оно выявляется экспертами в ходе проведения СПЭ. Названных признаков не может быть ни «больше» ни «меньше» их необходимой и достаточной совокупности. Поэтому при назначении любой СПЭ, независимо от того, охватывает ее предмет одно или несколько юридически значимых психических расстройств, общее число экспертных вопросов ограничено. Отмеченное обстоятельство дает экспертам основания для отказа от ответа на вопросы, которые не входят в «стандартный набор», определяемый теми видами юридически релевантных психических расстройств, которые составляют предмет данной конкретной СПЭ. Однако это всего лишь общее основание, опираясь на которое, эксперты получают возможность «отсеивать лишнее». При проведении конкретных экспертиз эта общая (принципиальная) возможность реализуется несколькими путями, зависящими от условий и обстоятельств отдельных СПЭ. Рассмотрим данную проблему чуть подробнее.

Уже отмечался один из таких путей, когда дополнительные вопросы становятся лишними, поскольку они охватываются основным экспертным заданием. Так, сформулировав экспертное задание, включающее в себя вопросы о наличии или отсутствии всех возможных видов юридически релевантных психических расстройств, следователь (суд) перечисляет затем вопросы, касающиеся их отдельных разновидностей. Сначала перечисляются все четыре элемента медицинского критерия невменяемости (хроническое психическое расстройство, временное психическое расстройство, слабоумие, иное болезненное состояние психики). Затем отдельно ставятся вопросы о наличии или отсутствии у данного лица, обвиняемого в преступлении, патологического опьянения, патологического аффекта, психогенного расстройства, вызванного психотравмирующей ситуацией следствия и пребывания под стражей. Однако все три перечисленных вида психической патологии относятся к категории «временное психическое расстройство», по поводу которого уже был сформулирован самостоятельный экспертный вопрос. Поэтому, ответив на него, эксперты отвечают тем самым и на три последующих, которые более уже не требуют трех дополнительных самостоятельных ответов. В экспертном заключении достаточно привести соответствующие пояснения и указания. Например, ответ на второй вопрос одновременно является ответом на шестой, седьмой и восьмой вопросы (с кратким обоснованием данного экспертного суждения).

Следует отметить в данном ключе одну особенность белорусского законодательства. В июле 2019 г. вступили в силу изменения в УК Республики Беларусь, исключившие в ст. 28 «Невменяемость» и в ст. 29 «Уменьшенная вменяемость» разновидности медицинских критериев (четыре – в первом случае и два во втором), которые были заменены единым – психическое расстройство (заболевание) [8]. Схожий подход реализуется и в гражданском законодательстве. С 1 августа 2020 г. в ст. 30 ГК Республики Беларусь «Недееспособность» будут исключены «душевная

болезнь» и «слабоумие» и также заменены единым – психическое расстройство (заболевание) [9]. Есть все основания полагать, что подобные изменения существенно снизят актуальность обсуждаемой проблемы – избавят следователя и судью от постановки ненужных неинформативных вопросов, а экспертам позволят сконцентрироваться на ответах, реально необходимых.

Значительная часть дополнительных вопросов вообще не касается тех обстоятельств, которые напрямую относятся к предмету конкретной СПЭ, и зачастую такие вопросы носят гипотетический характер. Дело в том, что вопрос, задаваемый судебному эксперту, – это не просто вопрос, относящийся к проблематике, с которой данный эксперт соприкасается в процессе своей профессиональной деятельности и относительно которой он может сообщить информацию, неизвестную непрофессионалу (с точки зрения УПК – это функция специалиста). Проводя судебную экспертизу, эксперт, в отличие от специалиста, не рассуждает о различных вариантах течения, возможном взаимном влиянии психических расстройств, существующих побочных эффектах лекарственных средств, не строит предположения о возможных исходах заболевания, а оперирует установленными фактами, изучая все представленные материалы и результаты экспертного обследования, доказывает, как конкретные проявления конкретного психического расстройства проявились в конкретной ситуации. Данный подход методологически хорошо разработан при решении «обязательных» вопросов, потому совершенно бессмысленна тактика некоторых адвокатов пытаться уточнять и многократно приумножать такие вопросы (а следователю, судье можно рекомендовать не идти у них на поводу и отклонять ходатайства с подобными вопросами). Например, страдал ли испытуемый в период ООД временным расстройством психики (или могло ли у него оно быть), с учетом наличия у него сахарного диабета, дисциркуляторной энцефалопатии, возможного приема транквилизатора диазепама, способного на фоне употребления в тот день больших доз алкоголя вызывать психозы и т. д.

В качестве экспертного вывода (ответа на экспертный вопрос) может выступать далеко не всякое профессиональное суждение. Судебный эксперт действует в строгих рамках, отведенных ему законом, которые накладывают существенные ограничения и предъявляют повышенные требования. Экспертные методы должны быть настолько надежными, чтобы они могли служить средством судебного доказывания, а экспертные выводы (ответы на экспертные вопросы) должны отличаться такой высокой степенью надежности, чтобы их можно было использовать в качестве судебных доказательств.

«Обязательные» вопросы, входящие в предмет отдельных видов СПЭ, предполагают, что судебной психиатрией разработаны познавательные средства и методы, способные обеспечить достаточную надежность искомого ответа. Если же заданный экспертам-психиатрам вопрос выходит за эти «предметные» пределы, то и возможный ответ на него не имеет соответствующих гарантий надежности, а иногда и гарантий определенности. Следовательно, возможность дачи ответа становится по меньшей мере сомнительной. Наглядным примером может служить так называемый гипотетический вопрос, ответ на который носит только

предположительный характер и не имеет той степени определенности и/или надежности, которая необходима, чтобы ответ на него мог стать экспертным выводом (судебным доказательством). Под «неопределенностью» вопроса мы в данном контексте подразумеваем его неясность, многозначность, профессиональную некорректность и им подобные погрешности, а под недостаточной надежностью предполагаемого ответа – его недостаточную научную обоснованность, недостаточную научную изученность данной предметной области и т. п. При этом никого не должен вводить в заблуждение тот факт, что ученый или специалист может позволить себе отвечать на гипотетические вопросы в интервью для СМИ, в научно-популярной и даже в научной литературе, к примеру, при выдвижении и обсуждении новых, неизвестных ранее науке гипотез. Однако судебное доказывание, как уже отмечалось, предъявляет к экспертным исследованиям и их результатам повышенные требования.

Конкретные проявления подобного рода недопустимых в экспертной практике вопросов весьма разнообразны. Их типология еще не подвергалась серьезному системному исследованию. Поэтому мы ограничимся лишь отдельными примерами.

Так, по одному из гражданских дел по спору родителей о месте проживания их ребенка его мать, пытаясь доказать, что сын был сильно запуган («психологически затерроризирован») отцом, сформулировала множество вопросов, которые она просила суд поставить перед экспертами, с чем суд согласился. Вопросы формулировались применительно к отдельным эпизодам взаимодействия сына с родителями. Сама их постановка, видимо, предполагала, что они будут носить уточняющий характер, способствуя тем самым более точному и детальному выяснению относящихся к делу обстоятельств. Однако результат оказался совершенно иным – на большинство поставленных отдельно вопросов вообще невозможно было сформулировать однозначные и четкие ответы. Например, экспертов спросили, является ли тот факт, что во время одного из появлений отца в доме ребенок спрятался под кровать, свидетельством его психологической запуганности, явившейся следствием жестокого обращения с ним отца? Рассматриваемый факт, взятый сам по себе и вне связи с другими значимыми в экспертном отношении обстоятельствами, конечно же, не может служить доказательством ни запуганности ребенка, ни жестокого с ним обращения. Причины, по которым ребенок забрался под кровать, могут быть весьма многочисленными и разнообразными. Поэтому экспертам следовало отказаться отвечать на данный вопрос, ибо он предполагал возможность сразу нескольких вариантов ответов.

На некоторые вопросы эксперты не в состоянии ответить вследствие недостаточного уровня развития современной науки (вопрос относительно точного по времени прогноза данного психического расстройства; вопрос о том, сколько времени потребуется врачам, чтобы достичь излечения или стойкой ремиссии у конкретного пациента, и т. п.). В подобных случаях эксперты могут ссылаться на Федеральный закон от 31.05.2001 № 73-ФЗ РФ (абз. 4 ст. 16), согласно которому эксперт обязан составить мотивированное письменное сообщение о невозможности дать заключение, если «современный уровень развития науки не позволяет ответить на поставленные вопросы».

Некоторые вопросы вообще не требуют для ответа использования специальных экспертных знаний (вопросы неэкспертной компетенции), причем часть из них может оказаться бессодержательной и даже лишенной смысла. Приведем характерный образец такого вопроса, заданного следователем в рамках комплексной психолого-психиатрической экспертизы: обладает ли обвиняемый какими-либо индивидуально-психологическими особенностями? Индивидуально-психологическими особенностями обладает любой человек, поэтому утвердительный ответ очевиден и не требует привлечения специальных знаний. Вместе с тем, поскольку характер индивидуально-психологических особенностей, интересующих следователя, сам он не уточнил, ответ оказывается к тому же абсолютно бессодержательным (не несущим никакой доказательственной информации). В этой связи полагаем возможным с учетом специальных познаний в целях правильного рассмотрения дела по существу рекомендовать эксперту пользоваться правом экспертной инициативы, ставить себе дополнительные вопросы: каковы индивидуально-психологические особенности обвиняемого, оказали ли они существенное влияние на его поведение в момент ООД – и отвечать на них.

Следующую группу составляют вопросы, относящиеся к исключительной компетенции следователя и суда – вопросы относительно вменяемости обвиняемого, его виновности и ответственности, достоверности показаний (и других доказательств) и пр. По одному из уголовных дел следователь спросил у эксперта-психолога: не задавал ли детский психолог в ходе оказания психологической помощи ребенку наводящих вопросов этому ребенку? Между тем ч. 2 ст. 189 УПК РФ запрещает следователю задавать допрашиваемому «наводящие вопросы». Из сказанного явствует, что следователь сам в пределах своих юридических знаний обязан знать, что такое наводящий вопрос, не прибегая к помощи эксперта. При отказе от ответа на вопросы, входящие в компетенцию следователя и суда, экспертам надлежит ссылаться на п. 6 ч. 3 ст. 57 УПК РФ (поставленный вопрос выходит за пределы их специальных знаний).

■ ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Корректное формулирование экспертного задания выступает одним из необходимых условий эффективности и качества производства судебно-психиатрической экспертизы, а также гарантией обеспечения полноты и надежности ее результатов и, как следствие, правильного рассмотрения дела по существу. Вопросы должны быть корректными в нескольких аспектах – грамматическом, логическом, семантическом, юридическом и предметно-специальном. Их оценка на предварительном этапе экспертизы – вопросы, относящиеся к предмету экспертизы, вопросы гипотетические, вопросы иной неэкспертной компетенции – определяет оптимальный алгоритм построения выводов экспертного заключения. С учетом изменений в законодательстве, в том числе и на предмет СПЭ, раскрываемый в формулируемых экспертам вопросах, назрела необходимость подготовки специального пособия.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

■ ЛИТЕРАТУРА

1. Dmitrieva T. (1998) *Novoye rossiyskoye zakonodatel'stvo i aktualnyye problemy sudebnoy psikiatrii* [New Russian legislation and topical problems of forensic psychiatry]. Moscow, pp. 109–142 (in Russian).
2. Dmitrieva T., Tkachenko A., Kharitonova N., Sishkov S. (2008) *Sudebnaya psikiatriya. Uchebnoye posobiye* [Forensic psychiatry. Textbook]. Moscow, 752 p. (in Russian).
3. Tkachenko A. (ed.) (2017) *Rukovodstvo po sudebnoy psikiatrii. V 2 t. Tom 1: prakticheskoye posobiye. 3-e izd.* [Manual of forensic psychiatry. In 2 V. Volume 1: practical handbook. 3rd edition]. M., 449 p. (in Russian).
4. Tkachenko A. (2017) *Rukovodstvo po sudebnoy psikiatrii. V 2 t. Tom 2: prakticheskoye posobiye. 3-e izd.* [Manual of forensic psychiatry. In 2 V. Volume 2: practical handbook. 3rd edition]. M., 379 p. (in Russian).
5. Dmitriyeva T. (2010) *Podgotovka sledovatelem materialov dlya sudebno-psikhiatricheskoy ekspertizy: prakticheskoye posobiye* [Preparation of materials for forensic-psychiatric assessment by investigator: practical guide]. Moscow, 62 p. (in Russian).
6. (1997) *Ugolovno-protsessualnyi kodeks RF* [Code of Criminal Procedure of the RF]. Moscow, 175 p. (in Russian).
7. (2002) *Kommentariy k Federal'nomu zakonu "O gosudarstvennoy ekspertnoy deyatel'nosti v Rossiyskoy Federatsii"* [Commentary to the Federal Law "Public expert activity in the Russian Federation"]. Moscow, 192 p. (in Russian).
8. *Ugolovnyi kodeks Respubliki Belarus ot 09.07.1999 #275-3* [Criminal Code of the Republic of Belarus of July 9th, 1999 # 275-3]. *Konsultant-Plus: Belarus* (E-resource)] (in Russian).
9. *Grazhdanskiy kodeks Respubliki Belarus ot 07.12.1998 #218-3* [Civil Code of the Republic of Belarus of December 7th, 1998 # 218-3]. *Konsultant-Plus: Belarus* (E-resource)] (in Russian).

Поступила/Received: 19.08.2019

Контакты/Contacts: vandysh@mail.ru